

Михаил Шолохов и шесть поэтов встретились на одной «Литературной странице»

Обрамленный шестью стихотворениями вышел на «Литературной странице» нашей газеты 4 июня 1927 года рассказ Михаила Шолохова «Ветер». Текст занимал три четверти полосы, начинался и заканчивался в одном номере. Редакция ради рассказа не пожалела места. К тому

времени начинающий автор издал две книжки – «Донские рассказы» и «Лазоревая степь», их заметили критики, возлагая на юного новеллиста большие надежды.

Александр Серафимович в предисловии к «Донским рассказам» восхитился: «Как степной цветок, живым пятном встают рассказы т. Шолохова. Просто и ярко рассказываемое чувствуешь – перед глазами стоит. Образный язык, тот цветной язык, которым говорит казачество. Сжато, и эта сжатость полна жизни, напряжения и правды. Чувство меры и острых моментов, оттого они пронизывают. Огромное знание того, о чём рассказывает. Тонкий схватывающий глаз. Умение выбирать из многих признаков наихарактернейшие. Все данные за то, что т. Шолохов развёртывается в ценного писателя...»

Наступивший 1925 год в жизни Шолохова стал судьбоносным. Перед ним открылись двери лучших журналов и издательств. Восемь рассказов, не считая фельетонов, вышли в нашей газете, она открыла великого писателя. Осенью в 20 лет(!) Шолохов начал сочинять «Тихий Дон», но тогда роман, по его признанию, «был не под силу». Спустя год, 6 ноября, на титульном листе рукописи снова вывел слова «Тихий Дон», и страницы

каллиграфическим почерком начали бурно заполняться текстом.

В Москву первую книгу романа Шолохов привез как раз в те дни, когда вышел «Ветер» в нашей газете: одинокий безногий казак на хуторе поведал попросившемуся на ночлег путнику-учителю, как изнасиловал родную сестру, проклявшую брата и ушедшую из родного дома. После этой истории стал было казак рассказывать другую: «Как я двух девок до смерти залечил. Животы сводил им. Поте-е-ха!».

Не выдержав излишней насильника: «Учитель перешагнул порог и, молча, в темноте махнул рукой. Он быстро зашагал к воротам. Вслед ему, освежая, дул ветер, порывистый и холодный».

Ни в «Донские рассказы», ни в собрание сочинений «Ветер» Шолохов никогда не включал. Как объяснила это решение дочь писателя Светлана Михайловна, отец «категорически противился перепечатке произведения, мотивируя свои возражения слишком патологическими, биологическими наклонностями в натуре выведенного им героя».

«Ветер» Шолохова ничем не походил на мажорные стихи сверстников, подобно ему приехавших за счастьем в Москву.

На «Литературной странице» открывает подборку стихов «Кремлевская стена» Джека Алтаузена:

Как праздничный крашеный улей,

Стоят, опираясь на рвы,

Крещенные ветром и пулей

Ковровые стены Москвы...

Родился поэт под именем Якова на Ленских приисках в семье поселенца, конюха и старателя. Подростком попал в Китай, служил мальчиком в гостиницах, боем на пароходе, продавал газеты на улице, пока не попал из Харбина в Читу, где встретил поэта Иосифа Уткина, ставшего другом и наставником. Вместе с

ним оказался в Иркутске в кругу сибирских поэтов. В 15 лет вступил в комсомол и спустя год по его путевке поступил в Высший литературно-художественный институт Валерия Брюсова и заслужил его похвалу.

В нашей газете печатался неоднократно. «Кремлевская стена» появилась, когда у Алтаузена к тому времени вышло пять книжек, написанных в соавторстве с друзьями Александром Ясным и Борисом Колычевым. Каждый из них успел в юности стать автором сборников стихотворений. Отрывок из поэмы «Повесть о капитане и китайчонке Лане» Алтаузена, знавшего Китай, и Колычева стал песней, которую пел позднее Аркадий Северный.

Когда началась Отечественная война, трое друзей ушли на фронт. В первый день нападения Германии на СССР Борис Колычев сочинил стихи, напечатанные в газете Юго-Западного фронта:

Двадцать второго июня

Ровно в четыре часа

Киев бомбили, нам объявили,

Что началась война...

Положенные на мелодию всем известной в стране песни «Синий платочек» слова все считали народными. Военный совет Юго-Западного фронта обсуждал поэзию военного корреспондента. Его первого из советских писателей наградили орденом Боевого Красного Знамени.

На слова Джека Алтаузена, погибшего в 1942 году в катастрофе под Харьковом, композиторы писали музыку, и стихи становились популярными песнями «Полярный вальс», «Во степи, степи просторной», «Шумел Байкал», «Олеся». Они помогли солдатам победить.

В подшивке нашей газеты за 2 июля 1927 года на очередной «Литературной странице» я увидел под рубрикой «Наши поэты» дружеский шарж-карикатуру с названием «Безутешный неудачник

В.Бугаевский», подписанную Кукрыниксы. Народных художников СССР Куприянова Михаила, Крылова Порфирия и Соколова Николая, творивших втроем под этим псевдонимом, образованным из начальных слов фамилий, народ знал в Советском Союзе по политическим карикатурам на страницах органа ЦК партии «Правды» и журнала «Крокодил». Их псевдоним впервые появился в нашей газете.

Стихотворение Владимира Бугаевского «Бетховен» описывает композитора в дни сочинения Третьей симфонии, которую он посвятил Наполеону. Тогда звезда полководца высоко поднялась над Европой. Но когда генерал провозгласил себя императором, Бетховен разорвал посвящение и назвал симфонию «Героической», какой ее все знают в мире.

Старый клавесин беспомощен и жалок.

Не вместить ему тревоги зов,

Но летят без плача и без жалоб

Десять пальцев – боевых орлов.

Недоступно клавишам наречье

Труб... команд и вид командных карт.

Осыпает англичан картечью

Генерал Буонапарт...

Удача сопутствовала Владимиру Бугаевскому не в издании собственных стихов, как у других авторов «Литературной станицы». Известность пришла к поэту-переводчику баллад Гете. «Современники, вспоминая его с большой теплотой, непременно говорили: «Да, «Искатель кладов» Гете», – связывая имя переводчика с именем гения. «Именно работу Бугаевского никто не рвался в последующие годы сделать еще раз», – прочел я о творчестве бывшего «Безутешного неудачника». В Переделкине надгробию «Владимир Бугаевский» нашлось место вблизи Бориса

Пастернака.

Другой известный поэт-переводчик предстает на «Литературной странице» стихотворением «Севастополь»:

На рассвете полосю алой

Озарились окна и борта.

Тишиной и теплотой дышала

Голубая летняя вода.

Торсами литыми вырастая,

Приближались скалы берегов.

И сбегала к берегам сухая

Белизна рассыпанных домов.

Подписал стихи Д.Бродский. Кто это – я узнал из воспоминаний его друга, поэта и переводчика Семена Липкина. Из Одессы, «южной столицы России», недоучившийся студент приехал в столицу вслед за многими одесситами, ставшими классиками советской литературы. Жил Давид в пригороде Москвы – Кунцеве.

Цитирую Семена Липкина: «У Давида Бродского была феерическая фотографическая память. Он принадлежал к тем редким людям, которые, прочтя газету, могут ее повторить всю от первой до последней строки, в газету не заглядывая... Он был студентом медицинского факультета Новороссийского университета, но, увлеченный писанием стихов, крайне редко посещал занятия. Наступили экзамены. Профессор покачал головой: «Вы посещали мои лекции? Я что-то вас не помню», – но экзаменовать не отказался. Бродский, прочитав за несколько дней до экзамена учебник профессора, отвечал с блеском. Профессор был удивлен. «Странно, странно, – бормотал экзаменатор. – А что вы думаете по поводу...» – и задал трудный вопрос. Бродский на мгновение задумался, потом проговорил: «Ах да, в сноске» – и ответил

правильно. «Что за сноска?» – с недоумением спросил, забыв о ней, профессор, но выставил незнакомому студенту пятерку».

Необыкновенной памятью обладал и другой поэт, представленный на «Литературной странице» стихотворением «Караван пустыни»:

Удушлив зной. В глазах рябит.

Здесь воздух насухо отжат

Слегка колышутся горбы верблюдов,

И устал вожак.

Горяч и труден путь в песках.

Высок лучей стрельчатый лес.

И солнце – черная тоска –

Глядит с измученных небес...

Эту картину видел уроженец Яропольца Волоколамской волости крестьянский сын Иван Пулькин, когда комсомольцем вступил в Красную Армию и во время Гражданской войны оказался в Средней Азии. Согласно Википедии: «В 1924 году переезжает в Москву и устраивается на работу в газету «Молодой ленинец». Там же сказано: «В 1929 году работал в газете «Московский комсомолец». Посещал лекции в институте Валерия Брюсова».

«Начитанность у него была выдающаяся, много стихов знал наизусть. Русский фольклор, пушкинская эпоха, Серебряный век, Хлебников и Маяковский, Сельвинский и Луговской», – пишет о нем поэт Иван Ахметьев, вернувший поэзию Ивана Пулькина русской литературе. В конце минувшего, 2018 года в Москве вышла на 608 страницах с иллюстрациями первая книга поэта «Лирика и эпос». Стихи талантливые. Но ни одного сборника при жизни Пулькину издать не удалось. Составитель и комментатор книги это объясняет так: «В 20-х годах он был комсомольским поэтом, но потом произошло радикальное и существенное развитие

стиля, в результате которого он, как и его ближайший друг Георгий Оболдуев, вышли за пределы того, что принимала советская литература».

С ним и единомышленниками Иван Пулькин состоял в образованном в 1929 году литературном кружке СПР – Союзе Приблизительно Равных. Трех из них одновременно в 1934 году арестовали. Особое совещание ОГПУ без суда и следствия на три года отправило Пулькина в лагерь якобы за «противоестественную связь» в 1924–1926 годах. Как раз тогда он служил в нашей газете, женился, сочинял стихи о любви к женщине. Выйдя из лагеря на свободу, кроме нескольких стихотворений, ничего опубликовать не смог. С трудом прописался в Москве и получил работу библиотекаря.

Когда началась Отечественная война, Иван Пулькин ушел добровольцем в народное ополчение и погиб в дни Московской битвы осенью 1941 года.

Подобно Елене Сергеевне Булгаковой, спасшей «Мастера и Маргариту», Ильза Вульфус, любящая и любимая жена, сохранила рукописи мужа, что позволило спустя много лет усилиями Ивана Ахметьева издать большую книгу и вернуть из небытия поэта.

Пятое стихотворение «Лето» на «Литературной странице» сочинил Алексей Кондаков:

И нет зари. И нет планет.

И лес на вид такой послушный.

И даже леса будто нет

Под ветерком проворным, южным.

И он плывет под кровлей хат,

Он плещет, этот ветер давний,

И горизонт от туч лохмат,

Склоняясь на чужие ставни.

И последнее ностальгическое стихотворение «Прошедшее» Дмитрия Борисова:

Как палые листья на реке

Плывут, колыхаясь, года.

В глухой затуманенный вечер

Мы вспомним о них иногда.

И детству не будет возврата,

И все не вернется назад..

Моя камышовая хата,

Сиреневый мой палисад..

Ясно, что оба поэта – уроженцы Украины, судя по упомянутым хатам, черешне и «сиреневом палисаде». Но Борисов старше Кондакова. Кроме картин детства его преследует воспоминание о «лихом девятнадцатом годе»:

И долгую, долгую память

Полям оставляли враги.

Разбросанными черепами,

Горбами зеленых могил.

В Гражданскую войну пришлось воевать на «заснеженном Кавказе». Но как сложилась судьба после Гражданской войны в Москве и в литературе? Всемирная паутина содержит сведения о многих однофамильцах, но не о наших авторах. В ее бесконечную сеть они не попали. Возможно, кроме единственного стихотворения на «Литературной странице», других своих опубликованных строк увидеть им не довелось.

Лев Колодный

